

Научная статья / Research Article

УДК 902.01(8)

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2024\)36\(2\).-10](https://doi.org/10.14258/tpai(2024)36(2).-10)

EDN: JWODIS

АРХАИЧЕСКИЙ ПЕРИОД НА ЮЖНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ ПЕРУ: ОТ ОХОТНИКОВ-СОБИРАТЕЛЕЙ К ЗЕМЛЕДЕЛЬЦАМ

Григорий Александрович Елошкин

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия;

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;

g.eloshkin@ngsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2747-716X>

Резюме. В статье рассматривается средний архаический период (8–4,5 тыс. л.н.) южного побережья Перу (Южная Америка), в кратком очерке истории изучения которого особо подчеркивается международный характер исследований. Цель — демонстрация роли природно-климатического фактора в динамике становления и развития обществ, основанных на эффективном присваивающем, а затем производящем хозяйстве, что демонстрируется на примере ряда памятников (Ла-Йерба-II–III, Перниль-Альто). Выводы, сделанные на основе проведенных исследований и опубликованных работ, позволяют проследить интересный вариант развития культур охотников-собирателей, у которых наблюдается постепенная интенсификация добычи морских ресурсов при обитании в нижнем течении рек и на побережье, с появлением зачатков земледелия и последующим перемещением в связи с изменениями климатической обстановки в среднее течение рек. Важно подчеркнуть, что этот сценарий (перенос акцента с эксплуатации морских ресурсов на земледелие) отличается от процессов, происходивших в северной и центральной части перуанского побережья, и вполне претендует на статус оригинальной (локальной) модели. Дальнейшая детализация этой модели требует не только получения дополнительного археологического материала и датировок, но и ответа на целый ряд вопросов об эволюции технологий обработки камня, дерева, кости, об особенностях погребальных практик, а также о характере (автохтонном, смешанном, импортном) земледелия.

Ключевые слова: Южная Америка, Перу, южное побережье, тихоокеанская археология, архаический период, охотники-собиратели, оседлость, сельское хозяйство

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект №24-28-00003 «История тихоокеанской археологии».

Для цитирования: Елошкин Г.А. Архаический период на южном побережье Перу: от охотников-собирателей к земледельцам // Теория и практика археологических исследований. 2024. Т. 36, №2. С. 176–195. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2024\)36\(2\).-10](https://doi.org/10.14258/tpai(2024)36(2).-10)

ARCHAIC PERIOD ON THE SOUTHERN PERUVIAN COAST: FROM THE HUNTERS AND GATHERERS TO AGRICULTURALISTS

Grigory A. Eloshkin

*Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia;
Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia;
g.eloshkin@ngs.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2747-716X>*

Abstract. The article examines the Middle Archaic Period (8–4,5 BP) on the southern coast of Peru (South America). The purpose of this work is to provide an overview of the history of research on the southern Peruvian coast, to highlight its features and international scope, and to demonstrate the fundamental role played by natural and climatic factors in the development of societies. The study also aims to illustrate the importance of an effective economy based on foraging and agriculture, as well as the key role of material culture and burial practices in growing societies. The conclusions drawn from this research and the published materials are still preliminary. They allow us to track a very interesting development in hunter-gatherer cultures. These cultures gradually increased the extraction of marine resources, settling in the lower streams of rivers and along the coast. This led to the development of initial agriculture, and later movement due to changes in climate, to the middle streams of rivers. It is important to note that this pattern (shift from maritime resources to agriculture) is different from the processes in the northern and central parts of the Peruvian coast. It can be considered as an original (local) model. To further explore this model, it will require not only acquiring additional archaeological evidence and dating, but also addressing a number of questions regarding the evolution of stone, wood, and bone technologies, burial practices, and the nature of agriculture (autochthonous, hybrid, or imported).

Keywords: South America, Peru, South Coast, Pacific archeology, Archaic Period, hunter-gatherers, sedentary life, farming

Acknowledgements: the work is prepared with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 24-28-0003 “History of Pacific Archaeology”.

For citation: Eloshkin G.A. Archaic Period on the Southern Peruvian Coast: from the Hunters and Gatherers to Agriculturalists. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2024;36(2):176–195. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2024\)36\(2\).-10](https://doi.org/10.14258/tpai(2024)36(2).-10)

Введение
Термин «южное побережье» используется для обозначения прибрежного района региона Центральных Анд протяженностью с севера на юг более 250 км, а также для сопредельных с ним территорий, включающих долины рек Каньете (*Cañete*), Топарá (*Topará*), Чинча (*Chincha*), Писко (*Pisco*), Ика (*Ica*), Рио-Гранде-де-Наска (*Rio Grande de Nazca*) и Акари (*Acari*) (Beresford-Jones et al., 2018b, p. 396). Археологическое изучение рассматриваемого района долгое время оставалось неравномерным: пока одни культуры и периоды подробно освещались в научной литературе и средствах массовой информации, другие оставались без должного внимания специалистов. В значительной мере такая ситуация обусловлена традиционным подходом к исследованиям,

сфокусированным на поиске, описании и интерпретации эффектных памятников культур паракас (9–2 вв. до н.э.) и наска (1 в. до н.э. — 7 в. н.э.). В этой связи значительное количество объектов архаического периода (*Archaic Period*, 13–4 тыс. л.н.) были выявлены в ходе изучения памятников более поздних эпох, в то время как целенаправленные проекты по исследованию ранних этапов заселения человеком района реализовывались в меньшей степени.

В русскоязычной археологической литературе хотя и присутствует ряд публикаций, в которых авторы обращаются к культурам южной части перуанского побережья и прилегающих районов Чили, но это происходит в формате обзорных работ, в контексте изучения отдельных примеров погребальных традиций, а также научной деятельности выдающихся исследователей (например, Васильев и др., 2015; Долгушин, Табарев, 2019; Еремеева, 2021; Табарев, 2006; Табарев, Гаврилина, 2017)⁹, в то же время специальных исследований по археологии архаического периода до сих пор не было.

Таким образом, задачи настоящей работы: обрисовать общую картину истории исследований в южной части перуанского побережья, подчеркнуть их особенности и международный характер, показать принципиальную роль природно-климатического фактора в динамике становления и развития обществ, основанных на эффективном присваивающем, а затем — производящем хозяйстве, продемонстрировать на примере ряда памятников наиболее важные элементы материальной культуры и погребальных практик, обозначить дискуссионное поле и перспективы дальнейших исследований.

Источниками являются публикации на английском, испанском и французском языках, а также информация на специализированных сайтах, посвященных археологии Перу и сопредельных территорий.

Природно-климатические особенности района

В настоящее время значительная часть перуанского побережья характеризуется аридным, а южное — гипераридным климатом¹⁰. Особенности природы обусловлены влиянием океана, ландшафтных характеристик побережья, Андской горной системой и сезонными сменами ветров.

Центральные Анды представляют собой один из наиболее специфических по климатическому и биологическому разнообразию регионов (Елошкин, 2023б, с. 113). Это наиболее отчетливо проявляется на побережье, что позволяет определять его как экотональную территорию (Beresford-Jones et al., 2018a, p. 142).

Наибольшее воздействие оказывает океан: холодное течение Гумбольдта (Перуанское) создает явление температурной инверсии, препятствующей образованию осадков, а также формирует благоприятные условия для существования планктона, который становится основой длинной трофической цепочки (Beresford-Jones et al., 2018b, p. 394; Parsons, 1970, p. 292); разнообразие морских ресурсов делает океан высокопродуктив-

⁹ Различные сюжеты по археологии и истории археологических исследований южной части перуанского побережья рассматривались ранее и автором настоящей работы (например, Елошкин, 2023а, б; 2024).

¹⁰ Изучение отдельных аспектов палеоклимата этого района производилось в рамках нескольких проектов — например, анализа лессовых отложений (Eitel et al., 2005), особенностей состава и палинологии торфяника Серро-Льямока (*Cerro Llamoca*) (Schitteck et al., 2015), динамики уровня озера Титикака (Mächtle et al., 2017) и др.

ной средой (Beresford-Jones et al., 2018a, p. 139; Eitel et al., 2005, p. 138). При отсутствии дождей на побережье формируется морской туман (гаруа), который оседает в ломас (*lomas* — оазисы, рожденные туманом) в течение южной зимы с мая или июня по ноябрь (Beresford-Jones et al., 2018a, p. 138; Lanning, 1963, p. 362; Mächtle et al., 2017, p. 38).

Климат тихоокеанского побережья Южной Америки во многом определяется т.н. Южной осцилляцией (*Southern Oscillation*) — явлением драматических колебаний атмосферного давления между западной и восточной частями Тихого океана. Составной частью этого явления являются Эль-Ниньо и Ла-Нинья. Первое характеризуется аномалиями температуры поверхности моря — потепление воды ведет к гибели моллюсков и планктона, а также к проливным дождям, что оказывает деградирующее влияние на природу и ресурсный потенциал побережья (Beresford-Jones et al., 2018b, p. 407; Gorbahn, 2020, p. 48).

Над континентом формируются ветра, которые участвуют в распределении осадков на материке, изменения их сезонной интенсивности связаны с положением внутритропической зоны конвергенции, а также с силой южноамериканского летнего муссона (Mächtle et al., 2017, p. 44–45; Schittek et al., 2015, p. 28). Водный режим рек обеспечивается переносом испарений из Амазонии через Анды посредством пассатов (Mächtle et al., 2017, p. 41).

На достаточно небольшой территории с запада на восток сменяются пять высотных климатических зон: побережье (0–500 м над уровнем моря), приморская юнга (500–2300 м), кечуа (2300–3500 м), суни (3500–4000 м) и пуна (4000–4800 м) (Табарев, 2006, с. 20–21; Orefici, Lancho Rojas, 2016, p. 28). В южной части района ландшафт также дополняется горной системой Кордильера-де-ла-Коста, которая протянулась на 150 км от п-ова Паракас к югу (Eitel et al., 2005, p. 138). Достигая максимальной высоты 1500 м над уровнем моря, эта горная система отделяет от береговой линии впадину Ика-Наска (*Ica-Nazca Depression*) и задерживает осадки с моря (Елошкин, 2023б, с. 113; Eitel et al., 2005, p. 138; Gorbahn, 2020, p. 31). Горная система Анд, расположенная восточнее, препятствует проникновению на тихоокеанское побережье значительных объемов испарений из Амазонии (Mächtle et al., 2017, p. 38).

Речные долины этого района отличаются геоморфологией, климатом и гидрологией от долин северного и центрального побережья Перу, а также от долин, расположенных южнее. В частности, они не образуют, подобно рекам северного побережья, в своем устье значительных эстуариев, которые представляют собой связующее звено морских и пресноводных экосистем (Alday et al., 2023, p. 13; Beresford-Jones et al., 2021a, p. 384; Beresford-Jones et al., 2018a, p. 143).

Влияние океана стало одним из ключевых аргументов гипотезы «морских основ андской цивилизации» М. Мосли¹¹. Согласно этой концепции развитый прибрежный рыболовный промысел (с использованием сетей и водного транспорта) в центральной части перуанского побережья не просто обеспечивал питанием, но и способствовал развитию оседлости, росту населения, появлению сложноструктурированных обществ, строящих монументальные сооружения, задолго до появления производящей экономики (Beresford-Jones et al., 2021b, p. 742; Beresford-Jones et al., 2018b, p. 394; Gorbahn,

¹¹ Независимо от М. Мосли разработкой схожей теории занимался советский археолог В.А. Башилов (1936–2005) (Острирова, 2015, с. 248–249).

2020, р. 13). Не менее существенное влияние оказали природно-климатические условия и на культуры южной части побережья, однако сценарий перехода от присваивающей к производящей экономике здесь был несколько иным.

История исследований архаического периода

Археологические изыскания в Перу начались в конце XIX — начале XX в. и были связаны с именем немецкого исследователя Макса Уле (*Max Uhle*, 1856–1944). На южном побережье он производил раскопки в 1900–1901 гг. (Табарев, 2006, с. 56; Quilter, 1991, р. 388).

Впервые памятники архаического периода М. Уле зафиксировал в устье р. Ика в 1901 г., однако особого значения им не придавал до тех пор, пока в 1902 г. профессор Дж.К. Мерриам не пригласил его принять участие в раскопках раковинной кучи в Эмеривилле (Калифорния, США) (Табарев, 2006, с. 58; Engel, 1981, р. 20–21; Uhle, 1907, р. 7). Подводя итоги этим раскопкам, М. Уле неоднократно обращался к особенностям раковинных куч, обнаруженных им в устье р. Ика (Uhle, 1907, р. 35–36).

Непосредственно вопросами изучения заселения Нового Света и проблемами раннего населения Южной Америки занимался Алеш Хрдличка (*Aleš Hrdlička*, 1869–1943), который совершил несколько экспедиций, в том числе на южное побережье. Исследования в Перу он провел в 1910 г. и в 1913 г., произведя разведки и раскопки в долинах рек Акари, Наска и Ика (Hrdlička, 1914, р. 24–25; 41–44). Специфика работы А. Хрдлички заключалась в особом акценте на антропологических остатках, что обусловило его скептическое отношение к возможной древности населения Нового Света (Васильев и др., 2015, с. 53). Последующие исследователи уже не отрицали факт раннего заселения континента, но долгое время выражали сомнения относительно возможности обнаружения на побережье Перу памятников древнее 5 тыс. л. (Васильев и др., 2015, с. 251; Табарев, 2006, с. 140).

Интенсификация исследований архаического периода произошла в конце 1940-х гг. Особое значение имели раскопки Джуниуса Берда (*Junius Bird*, 1907–1982) на памятниках Уака-Приета (*Huaca Prieta*) и Серро-Прието (*Cerro Prieto*) в долинах рек Чикама и Виру, проект Гордона Уилли (*Gordon Willey*, 1913–2002) в долине р. Виру (он же и ввел термин «архаический период»), а также работы Уильяма Дункана Стронга (*William Duncan Strong*, 1899–1962) на памятнике Сан-Николас (Engel, 1960, р. 7; Gorbahn, 2020, р. 11; Iparraguirre et al., 2020, р. 51; Quilter, 1991, р. 388).

Значительный вклад в данную проблематику принадлежит французскому археологу Ф.-А. Энжелю (*F.-A. Engel*, 1908–2002). В мае 1955 г. он инициировал крупный проект, целью которого стали регистрация и изучение докерамических памятников (Benfer, 2005, р. 3). Как признавал сам Ф.-А. Энгель, о «до-неолитическом» (*pré-néolithique*) периоде на тихоокеанском побережье Южной Америки почти ничего неизвестно (Engel, 1960, р. 7), что делало этот проект во многом революционным. В период с 1955 по 1959 гг. им было зафиксировано около 30 памятников архаического периода, ряд из которых были освещены в публикациях, например Палома (*Paloma*), Эль-Параисо (*El Paraiso*), Асия (*Asia*), Кебрада-Хагуай (*Quebrada Jaguay*) и Караль (*Caral*) (Beresford-Jones et al., 2021a, р. 384; Parsons, 1970, р. 299–300).

Отметим, что период 1960–1970-х гг. — время, когда в рамках антропологии и процессуальной археологии особое развитие получили культурно-экологические тече-

ния. Ф.-А. Энжель во многом предвосхитил это направление, связав свои изыскания в Перу с вопросами взаимодействия древнего человека с природой (Benfer, 2005, p. 1–3; Beresford-Jones et al., 2021a, p. 384; Beresford-Jones et al., 2018b, p. 138).

Почти одновременно Ф.-А. Энжель и американский археолог Э.П. Ланнинг (*Edward P. Lanning*) подчеркнули значительную роль, которую имела экосистема ломас в жизни людей архаического периода. Независимо друг от друга они пришли к выводу, что от финального плейстоцена и до среднего голоцена ломас были обширнее и в зимние месяцы могли полноценно обеспечивать людей пищевыми ресурсами (Beresford-Jones et al., 2021a, p. 385; Lanning, 1963, p. 369). В рамках последующей дискуссии это предположение было поставлено под сомнение другими специалистами, в частности, отрицалась сама возможность крупных климатических изменений в голоцене (Parsons, 1970, p. 300).

На южном побережье Ф.-А. Энжель исследовал территорию протяженностью 200 км между устьями рек Писко и Рио-Гранде-де-Наска. Итогом стало обнаружение 14 памятников архаического периода, восемь из которых были датированы радиоуглеродным методом (Beresford-Jones et al., 2021a, p. 389). В 1959 г. он приступил к раскопкам на п-ове Паракас, где им было выявлено несколько памятников архаического периода, один из которых (погребальный памятник) датирован возрастом около 5 некал. тыс. л.н.¹² (Engel, 1960, p. 12; 1981, p. 31). Ф.-А. Энжель обнаружил также комплекс, который располагался стратиграфически ниже памятника Поселение-514 (*Village 514*, две даты: 5020 ± 120 и 5175 ± 200 некал. л.н.) и имел возраст около 11 тыс. л.н. (Benfer, 2005, p. 3; Engel, 1981, p. 31).

В целом начиная с 1960-х гг. специалисты стали уделять архаическому периоду большее внимание, но в основном проекты были связаны с центральным и северным побережьем. На южном побережье фактически после Ф.-А. Энжеля большинство памятников этого периода открыты случайно (Gorbahn, 2020, p. 24–27).

В ходе итальянского проекта Наска (*Nasca Project*), который непрерывно реализовывался с 1982 по 2014 г., исследовались памятники в бассейне Рио-Гранде-де-Наска. В 1988 г. во время раскопок на церемониально-политическом памятнике культуры наска Кауачи (*Cahuachi*) было открыто захоронение женщины, датированное средним архаическим периодом (между 6,4 и 6,2 некал. тыс. л.н.) (Orefici, Lancho Rojas, 2016, p. 39).

В 1997 г. стартовал другой масштабный проект — Наска-Пальпа (*Nasca-Palpa Project*), в рамках которого в 2001 г. в долине р. Пальпа случайно был открыт поселенческий памятник с захоронениями — Перниль-Альто (*Pernil Alto*). Его раскопки производились в ходе полевых сезонов 2004–2009 гг. (Unkel et al., 2012, p. 2297). При таких же обстоятельствах произошло обнаружение горизонтов архаического периода на многослойном памятнике Ла-Тиса (*La Tiza*) в долине р. Аха (приток р. Наска). Самая ранняя дата относит первое заселение памятника к 5,6 некал. тыс. л.н. (Conlee, 2014, p. 239).

Наконец, с 2012 по 2017 г. проводились исследования в рамках Кембриджского проекта «Одна река» (*One River*, руководитель Д. Бересфорд-Джонс), во время которого была изучена территория вдоль побережья между $14^{\circ}19'$ и $15^{\circ}15'$ ю.ш. Особое внимание уделялось устью р. Ика, где были проведены раскопки двух памятников среднего архаического периода — Ла-Йерба-II (*La Yerba II*) и Ла-Йерба-III (*La Yerba III*) (Beresford-

¹² Далее, если не указано иное, даты калиброванные.

Jones et al., 2021a, p. 388; Beresford-Jones et al., 2018b, p. 395–396; Gorbahn, 2020, p. 14; Irarraguirre et al., 2020, p. 51), к материалам которых мы подробнее обращаемся далее.

Архаический период на южном побережье Перу

Первые охотники-собиратели появились в Центральных Андах по крайней мере 14,5 тыс. л.н. (Nakatsuka et al., 2020, p. 1131). Одним из наиболее ранних свидетельств является культура переходного периода от плейстоцена к голоцену — пайхан (*el Paijanense*); названа по памятнику в долине р. Чикама, материалы культуры фиксируются между долинами рек Ламбайеке и Ика (Васильев и др., 2015, с. 256; Табарев, 2006, с. 141; Табарев, Гаврилина, 2017, с. 170; Lanning, 1963, p. 369; Orefici, Lancho Rojas, 2016, p. 34).

На южном побережье люди начинают расселяться как минимум с раннего голоцена, о чем свидетельствуют памятники Абриго-I (*Abrigo I*, 10,2–9,54 тыс. л.н.) и Виситантес (*Visitantes*, 10,23–8,1 тыс. л.н.) (Beresford-Jones et al., 2018b, p. 396; Schittek et al., 2015, p. 29–30). В долине р. Ика долгое время не удавалось выявить памятников архаического периода, они ранее были отмечены лишь в устье, причем Ф.-А. Энжель с поразительной точностью предположил, что наиболее ранние млгут датироваться возрастом около 8 тыс. л.н. (Engel, 1981, p. 14–19).

Для этого времени данных для реконструкции природы и климата имеется мало. О более влажных условиях, сопровождающихся общим глобальным потеплением в позднем плейстоцене и муссонными осадками на восточной окраине пустыни Атакама, свидетельствуют следы селевых потоков, лессовые отложения и раковины улиток, находящиеся в основании этих отложений (Gorbahn, 2020, p. 49; Mächtle et al., 2017, p. 41–42).

Значительные природно-климатические изменения на территории современного Перу произошли во время перехода от плейстоцена к голоцену и в среднем голоцене — к 5,8 тыс. л.н. уровень океана повысился примерно на 120 м, после чего оставался сравнительно стабильным (Beresford-Jones et al., 2021a, p. 385–386; Beresford-Jones et al., 2022, p. 2).

В связи с природно-климатическими изменениями сообществам охотников-собирателей приходилось вырабатывать новые стратегии адаптации (Orefici, Lancho Rojas, 2016, p. 33–34). Совокупность археологических данных позволяет предположить, что они обладали значительными познаниями об окружающей их среде — это проявилось в изготовлении и использовании изделий из широкого диапазона материалов, включающих камень, обсидиан, дерево, кость, раковины и растительные волокна (Beresford-Jones et al., 2018a, p. 138). Это предполагало мобильность коллективов, связанную с поиском и эксплуатацией ресурсов на большой территории. Вероятнее всего, следуя за сезонными миграциями животных, охотники периодически оставались в речных долинах, экосистема которых предоставляла достаточные пищевые ресурсы (Orefici, Lancho Rojas, 2016, p. 31–32).

Серия палеоклиматических исследований, проведенных в конце XX — начале XXI в., показала, что среднему голоцену были присущи более влажные, по сравнению с нынешними, условия. Такая климатическая ситуация сохранялась между 8 и 5 тыс. л.н. (Mächtle et al., 2017, p. 42). Одновременно с этим ранний и средний голоцен в тропической части Тихого океана характеризовался условиями, подобными Ла-Нинья (т.е. с более низкими температурными значениями поверхности океана) (Beresford-Jones

et al., 2021a, p. 401). Среднегодовая температура воды была на 3 °С ниже современной, с этим связаны увеличение туманных осадков в ломас и более высокая плотность морской биомассы (Beresford-Jones et al., 2018a, p. 149). Таким образом, ломас и побережье в средний архаический период были способны обеспечить людей достаточным количеством пищи, следствием чего стало увеличение числа памятников в этих экосистемах (Beresford-Jones et al., 2022, p. 2; Beresford-Jones et al., 2018a, p. 148–149).

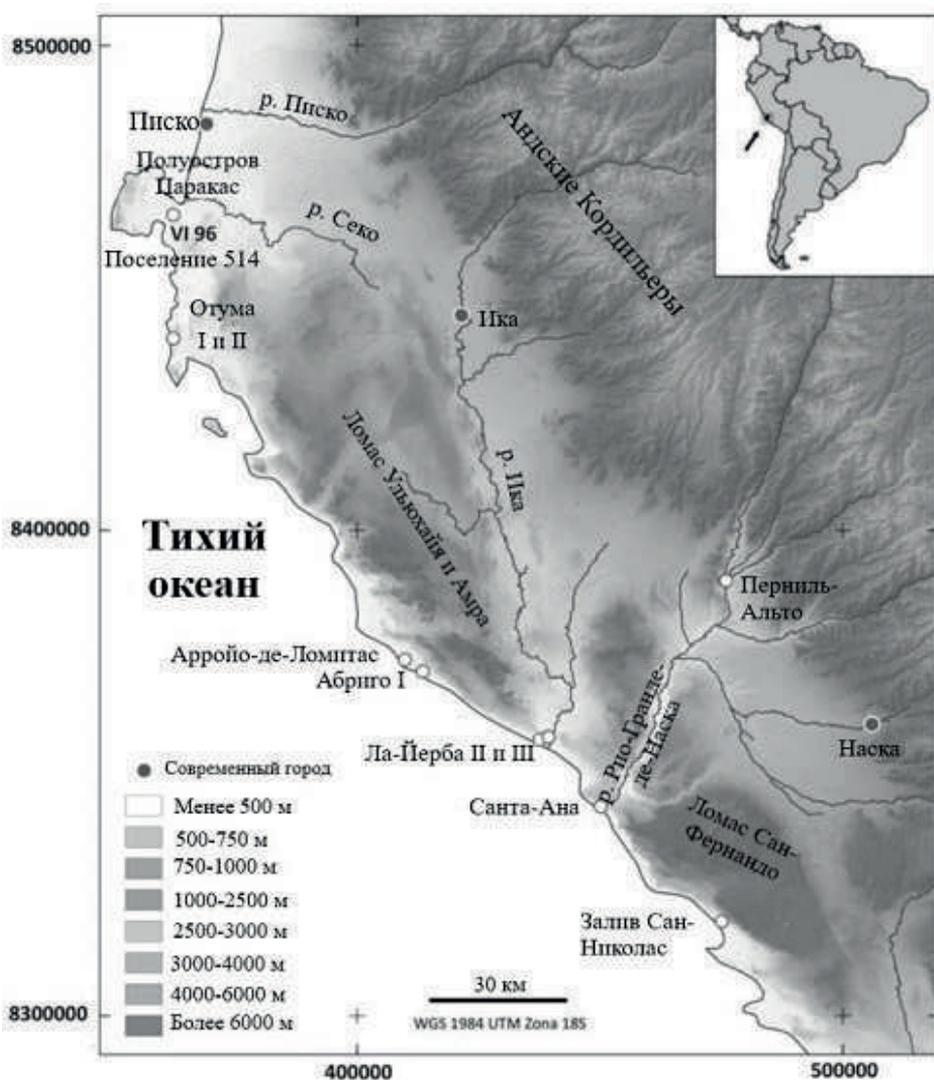

Рис. 1. Карта южного побережья Перу с указанием основных памятников архаического периода (по: Beresford-Jones et al., 2018b, p. 399; перевод автора)

Fig. 1. Map of the southern coast of Peru indicating the main sites of the Archaic Period (from: Beresford-Jones et al., 2018b, p. 399; translation by the author)

Экосистема ломас представлена однолетними и многолетними растениями с богатыми крахмалом корневыми частями, а также разнообразным животным миром — южноамериканские лисицы (*Lycalopex*), вискача (*Lagidium viscacia*), гуанако (*Lamaguanicoe*), различные виды птиц, рептилий и наземных улиток (Beresford-Jones et al., 2018a, p. 140–144). Раковины улиток в большом количестве обнаружены на памятниках среднего архаического периода, что свидетельствует о их важной роли в рационе охотников-собирателей, что отмечал уже Ф.-А. Энжель (Beresford-Jones et al., 2021a, p. 395; Beresford-Jones et al., 2021b, p. 745; Beresford-Jones et al., 2018a, p. 144; Engel, 1981, p. 20).

Большинство известных памятников среднего архаического периода локализованы на побережье недалеко от моря, обычно вблизи устья реки или лагуны (Parsons, 1970, p. 297), например памятник Палома, расположенный в долине р. Чилка (Табарев, 2006, с. 184; Beresford-Jones et al., 2021b, p. 2). Ф.-А. Энжель заложил на нем несколько шурфов в 1964 г., а в 1970-е гг. расширил часть из них (Benfer, 2005, p. 6; Orefici, Lancho Rojas, 2016, p. 36). Памятник представляет собой один из самых ранних свидетельств оседлого проживания. В пределах поселения зафиксированы остатки более 400 жилищных конструкций и более 250 сопровождавших их погребений. Подавляющее большинство умерших были завернуты в плетеные циновки и захоронены под полом жилищ или рядом с ними (Табарев, 2006, с. 188; Табарев, Гаврилина, 2017, с. 171; Beresford-Jones et al., 2021b, p. 743).

На южном побережье Перу также выявлен ряд памятников среднего архаического периода: Ла-Йерба-I (*La Yerba I*, 7,4–7,6 тыс. л.н.), Ла-Йерба-II (*La Yerba II*, 7,1–6,6 тыс. л.н.), Ла-Йерба-III (*La Yerba III*, 6,5–5,9 тыс. л.н.), Ла-Йерба-V (*La Yerba V*, 7,3–6,7 тыс. л.н.), Байя-де-Сан-Николас (*Bahía de San Nicolás*, 6,5–6 тыс. л.н.), Санта-Ана (*Santa Ana*, 5,65–4,98 тыс. л.н.), Арройо-де-Ломитас (*Arroyo de Lomitas*, 5,3–4,6 тыс. л.н.) и др. (рис. 1) (Beresford-Jones et al., 2021a, p. 389–390).

Памятник Ла-Йерба-II, который расположен в устье р. Ика в 800 м от современной береговой линии, был исследован британскими специалистами в ходе работы над проектом One River (Beresford-Jones et al., 2022, p. 20; Beresford-Jones et al., 2018a, p. 140; 22, p. 56). Ла-Йерба-II представляет собой раковинную кучу длиной 175 м, шириной 86 м и высотой более 4,5 м (Beresford-Jones et al., 2022, p. 8; Beresford-Jones et al., 2018b, p. 397). Материалы памятника иллюстрируют характерную для среднего архаического периода стратегию жизнедеятельности охотников-собирателей, при которой одновременно эксплуатируются ресурсы океана и ломас. Кроме раковин моллюсков (*Mesodesma donacium*) и слоев пещка стратиграфия также содержит признаки существования нескольких разновременных поселений — зольники от очагов и остатки легких жилищ в виде плетенных конструкций из рогаза (*Typha*) (Beresford-Jones et al., 2022, p. 20; Beresford-Jones et al., 2018b, p. 397).

Изначально раковинная куча находилась непосредственно на береговой линии — на памятнике выявлены свидетельства сбора моллюсков, ракообразных и водорослей, а также рыбной ловли и охоты на морских животных, которая преобладает над охотой на наземных (Alday et al., 2023, p. 4; Beresford-Jones et al., 2022, p. 21; Beresford-Jones et al., 2018a, p. 145; Beresford-Jones et al., 2018b, p. 397). Близость к ломас позволила охотникам-собирателям эффективно дополнять рацион растительной пищей и охотой на гуанако (Beresford-Jones et al., 2021b, p. 755; Beresford-Jones et al., 2018, p. 145). Органические остатки, обнаруженные на памятнике, также свидетельствуют об использова-

нии в пищу ресурсов, имеющих более удаленное происхождение — в радиусе до 25 км (Beresford-Jones et al., 2022, p. 20).

Д. Бересфорд-Джонс и его команда предположили существование сезонно меняющегося рациона обитателей Ла-Йерба-II: в течение южного лета предпочтение отдавалось сбору моллюсков и в целом морской диете, в зимнее время основой питания становились ресурсы ломас. Данный сценарий предполагает, что Ла-Йерба-II может являться базовым поселением, население которого перемещается от одной экозоны к другой для добычи специализированных ресурсов. Такая стратегия обеспечивала комплексное использование ресурсов побережья, дополняя преобладающую морскую диету (Alday et al., 2023, p. 2; Beresford-Jones et al., 2021a, p. 393; Beresford-Jones et al., 2018a, p. 142; Iparraguirre et al., 2020, p. 53).

Исследователи интерпретируют население Ла-Йерба-II как комплексных охотников-собирателей без социальной дифференциации. Судя по количеству жилищ и погребениям, численность населения в Ла-Йерба-II и подобных ему поселениях не превышала 50–60 человек (Orefici, Lancho Rojas, 2016, p. 39).

На памятнике Ла-Йерба-II обнаружено значительное количество остатков рыб (15 видов), в основном крупных (44% относят к виду *Cilus gilberti*), пойманных на крючок из колючек кактусов (Beresford-Jones et al., 2022, p. 19), также зафиксирован один фрагмент рыболовной сети (Alday et al., 2023, p. 17). Появление сетей интерпретируется как проявление значительных трудовых инвестиций в рыболовство, что позднее привело к появлению разделения труда, социальной дифференциации и в конечном счете — переходу к оседлости (Beresford-Jones et al., 2018b, p. 413).

Также в устье р. Ика, но в 2,5 км (1,7 км во время заселения) от современной береговой линии расположен памятник Ла-Йерба-III, который команда Бересфорд-Джонса, производившая здесь раскопки, связывает с первым этапом перехода к оседлому образу жизни (Beresford-Jones et al., 2021b, p. 742). Поселение использовалось людьми в период между 6,5 и 5,9 тыс. л.н., площадь поселения около 4 га, оно состоит из множества разновременных жилищ, неглубокие котлованы которых имеют круглые или овальные очертания диаметром около 5 м с небольшим очагом в центральной части (Alday et al., 2023, p. 3; Beresford-Jones et al., 2018a, p. 140; Beresford-Jones et al., 2018b, p. 397; Iparraguirre et al., 2020, p. 56). На памятнике выявлены погребения, демонстрирующие погребальный обряд, при котором усопших хоронили индивидуально или группами под полом брошенных или разрушенных жилищ (Beresford-Jones et al., 2021b, p. 743; Beresford-Jones et al., 2018b, p. 397).

Устье р. Ика ранее являлось эстуарием, что позволяло населению Ла-Йерба-III в течение всего года иметь доступ к большому количеству пищевых ресурсов этой экотональной среды. Это способствовало увеличению численности населения и формированию новой модели экономической организации общества (Alday et al., 2023, p. 13–18; Beresford-Jones et al., 2018a, p. 140; Beresford-Jones et al., 2018b, p. 397).

Морские ресурсы по-прежнему оставались основой жизнеобеспечения (Beresford-Jones et al., 2021b, p. 744; Beresford-Jones et al., 2018a, p. 140). В то же время органические остатки на памятнике отражают наличие в рационе наземных ресурсов, добываемых и собираемых на прилегающих прибрежных территориях (Beresford-Jones et al., 2021b, p. 745). Ла-Йерба-III также являлся базовым поселением, местоположение ко-

торого было удобно для использования прилегающих экосистем. Материалы памятника демонстрируют признаки начального земледелия, появление культивируемых растений, которые включали лимскую фасоль (*Phaseolus lunatus*), растение семейства бобовых (*Canavalia nsiformis*) и гуаву (*Psidium guajava*) (Alday et al., 2023, p. 14; Beresford-Jones et al., 2021b, p. 745; Beresford-Jones et al., 2018b, p. 398).

Таким образом, всего несколько столетий, отделяющих Ла-Йерба-II и Ла-Йерба-III, и еще несколько веков существования самого памятника Ла-Йерба-III стали временем значительных изменений, которые включают в себя появление постоянных жилищ, групповых некрополей, возможно, более обширных обменных сетей и использование новых форм хозяйства, включая земледелие (Beresford-Jones et al., 2018b, p. 398).

Еще раз подчеркнем роль океана в этом процессе — появление оседлости и эволюция социальной структуры стали следствием интенсификации рыболовства с использованием сетей, инвестиций в производство которых становится значительно больше (Beresford-Jones et al., 2018b, p. 411–413). Об этом свидетельствуют несколько фактов: на Ла-Йербе-II был найден только один фрагмент сети, в то время как на Ла-Йербе-III их было выявлено множество; значительное количество остатков анчоусов (*Engraulis ringens*) (31%), кефалей-лиз (*Liza*) (21%) и других мелких видов рыб, которых возможно поймать только мелкочейистой сетью с использованием водного транспорта (Alday et al., 2023, p. 17; Beresford-Jones et al., 2018b, p. 403–411).

Наличие в эстуарии р. Ика камышей (*Scirpus*), рогоза и осоковых (*Cyperaceae*) обеспечило людей запасом не только еды, но и волокон для изготовления циновок, веревок и сетей (Alday et al., 2023, p. 10–13). Производство более крупных и сложных в изготовлении рыболовных сетей требовало координации действий большего количества людей, в том числе на этапе эксплуатации готового изделия. Это способствовало развитию экономических и социальных связей внутри сообществ, необходимость вложения ресурсов в подготовку и координацию труда в итоге вела к горизонтальной специализации (Ibid., p. 17; Beresford-Jones et al., 2018b, p. 416–417).

На северном и центральном перуанском побережье кульминацией процесса раннего политогенеза становится появление монументальной архитектуры после 4,5 тыс. л.н., т.е. уже в поздний архаический период (4,5–3,5 тыс. л.н.). На южном побережье такого эффекта не наблюдается — после 5 тыс. л.н. фиксируется уменьшение количества прибрежных поселений (Beresford-Jones et al., 2018a, p. 149; Beresford-Jones et al., 2018b, p. 420). На всей береговой линии единственным значительным памятником позднего архаического периода является Отума (*Otuma*) (Engel, 1981, p. 29; Orefici, Lancho Rojas, 2016, p. 37).

Возникновения сложных обществ и монументального строительства на южном побережье не произошло, в том числе и из-за природно-климатических и ландшафтных характеристик района (Beresford-Jones et al., 2021a, p. 405). В среднем голоцене северное и южное побережье в целом находились в разных климатических условиях, а современный погодный режим сформировался примерно 5 тыс. л.н., когда климат побережья стал значительно более засушливым (Gorbahn, 2020, p. 46). К этому времени среднегодовая температура океана повысилась, что привело к сокращению осадков в лодке и относительной деградации морских ресурсов (Beresford-Jones et al., 2021a, p. 404; Beresford-Jones et al., 2018a, p. 149). При большем акценте на наземные ресурсы долго-

временное проживание в устье рек становилось все более сложным, экосистема ломас уже не могла обеспечивать растущее население, результатом чего становится увеличение инвестиций в земледелие и перемещение населения вверх по течению в более пригодные для этого территории, где первые поселения начинают развиваться по крайней мере с 6 тыс. л.н. (Beresford-Jones et al., 2018a, p. 149; Beresford-Jones et al., 2018b, p. 413).

Плодородные речные долины имели благоприятные для земледелия условия, что способствовало увеличению в них количества поселений. На южном побережье наиболее изученным памятником в долинах рек является Перниль-Альто (*Pernil Alto*). Памятник расположен в предгорьях Анд в бассейне Рио-Гранде-де-Наска в 60 км от побережья (Beresford-Jones et al., 2018b, p. 398; Gorbahn, 2020, p. 55). Климатический контекст, в котором существовало население Перниль-Альто, был более благоприятным, чем сегодня, окружающий ландшафт представлял собой открытые луга.

В истории заселения памятника выделяют шесть этапов, которые охватывают период с 5,9 по 4,8 тыс. л.н. Перниль-Альто не был изучен полностью, всего выявлено и раскопано 18 жилищ, котлованы которых имеют круглые или овальные очертания, диаметр 2,5–3 м и глубину 0,4–0,8 м. Жилища, обнаруженные на памятнике, являются одновременными (Ibid., p. 66). Впоследствии часть из них стала местом захоронений — всего обнаружено 33 погребения, в которых были помещены 36 индивидов. В заброшенных жилищах находились 22 погребения, остальные 11 располагались в межжилищном пространстве. Хоронили, как правило, по обряду ингумации в скорченном положении, завернув тело в циновки из растительных волокон, некоторые погребения сверху маркировались крупным камнем (рис. 2). Погребальный инвентарь довольно скромный и в основном ограничивается остатками циновок и бус из раковин (Табарев, Гаврилина, 2017, с. 177; Gorbahn, 2020, p. 295). Совокупность характеристик (захоронения в жилищах, положение тел, использование циновок для заворачивания усопших) свидетельствует о том, что погребения Перниль-Альто выполнены в общей традиции для среднего архаического периода на центральном и южном побережье Перу (Gorbahn, 2020, p. 305; Quilter, 1991, p. 413). Можно предположить, что это общество было локальной группой (*band*), основанной на семейных ячейках, по материалам погребений социальная дифференциация почти не читается (Gorbahn, 2020, p. 301–302). Фиксируются явные признаки того, что население памятника занималось выращиванием лимской и обыкновенной фасоли, сладкого картофеля, канны индийской (ачира) и тыквы; в качестве дополнения к земледелию сохраняли также свое значение охота и собирательство (Beresford-Jones et al., 2021b, p. 745; Beresford-Jones et al., 2018b, p. 398; Gorbahn, 2020, p. 307–308). Растительные остатки, обнаруженные на памятнике, свидетельствуют о том, что культурные растения (65,51%) имели большее значение в рационе, чем дикорастущие (34,49%) (Gorbahn, 2020, p. 311). На южном побережье долговременные поселения в долинах рек вдали от океана (в частности, Перниль-Альто) появляются после того, как начинают изменяться условия внешней среды — потепление прибрежных вод, аридизация, перемены в биологическом составе экосистем и т.п. Новые модели расселения и стратегии хозяйства были закономерным результатом адаптации обществ в их стремлении к более стабильному существованию. Дальнейшее развитие зародившегося на побережье, в эстуариях, производящего хозяйства происходит уже в оазисах речных долин.

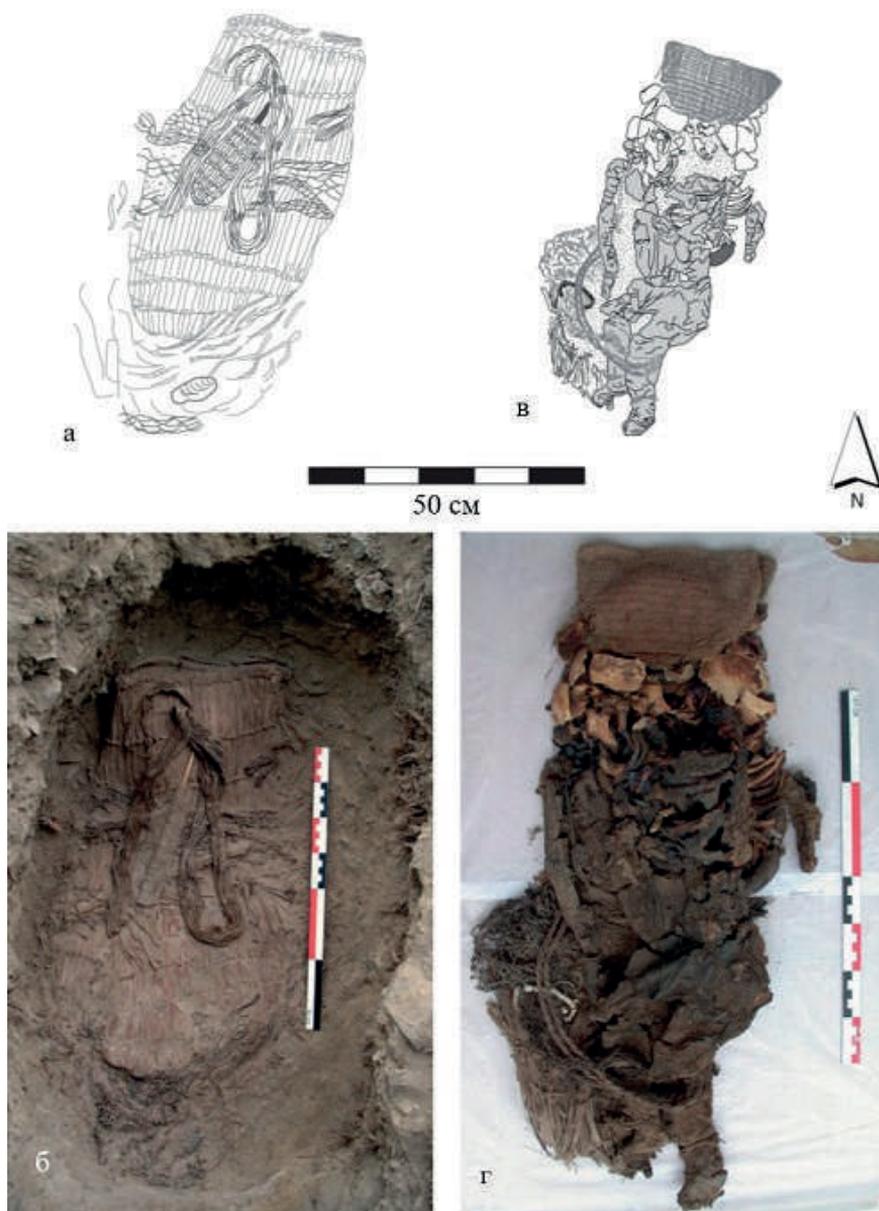

Рис. 2. Погребение №29. Фото и планы:
 а) план завернутого в циновку погребенного;
 б) фото во время раскопок; в) план тела после изъятия из циновки;
 г) фото тела (по: Gorbahn, 2020, p. 136)

Fig. 2. Burial No. 29. Photos and plans:
 а) plan of the buried person wrapped in a mat;
 б) photos during the excavations; в) plan of the individual;
 д) photo of the individual (after: Gorbahn, 2020, p. 136)

Заключение

Южная часть перуанского побережья — территория с очевидной спецификой ландшафтно-климатических условий, которые начиная с периода первоначального заселения (ок. 11 тыс. л.н.) существенно влияли на развитие культур и требовали выработки соответствующих стратегий адаптации. Наиболее ранние свидетельства этих процессов относятся к архаическому периоду (13–4 тыс. л.н.).

Несмотря на то что история изучения памятников архаического периода насчитывает уже более века (начиная с пионерных исследований М. Уле), она носила эпизодический характер и во многом зависела от интенсивности и масштабности археологических проектов, нацеленных на поиск и исследование памятников более поздних и представленных набором эффектных материалов культур — таких, например, как паракас и наска. В то же время следует отметить присущий всей перуанской археологии международный формат: в истории обнаружения и раскопок памятников архаического периода фигурируют немецкие, британские, французские, итальянские и североамериканские специалисты.

Выводы, которые можно сделать на основании проведенных исследований и опубликованных материалов, носят, безусловно, предварительный характер. Тем не менее они позволяют проследить весьма интересную эволюцию культур охотников-собираателей, у которых наблюдается постепенная интенсификация добычи морских ресурсов с обитанием в нижнем течении рек и на побережье, с появлением зачатков земледелия (ок. 6,5 тыс. л.н.) и последующим перемещением (ок. 6 тыс. л.н.) в связи с изменениями климатической обстановки в среднее течение рек.

Важно подчеркнуть, что этот сценарий (перенос акцента с эксплуатации морских ресурсов на земледелие) отличается от процессов, происходивших в северной и центральной части перуанского побережья, и вполне претендует на статус оригинальной (локальной) модели.

Дальнейшая детализация этой модели требует не только получения дополнительного археологического материала и датировок, но и ответов на целый ряд вопросов об эволюции технологий обработки камня, дерева, кости, об особенностях погребальных практик, а также о процессе зарождения земледелия. Так, с одной стороны, специалисты отмечают, что культивация начиналась с тех видов, которые произрастали в нижнем течении р. Ика в диком виде, например бутылочные тыквы (*Lagenaria* sp.) и земляной миндаль (*Cyperaceae esculentus*). В то же время происхождение других domesticiрованных растений пока не ясно, как и сам характер земледелия — автохтонный, импортный или смешанный.

Именно эти сюжеты, а также более предметное сравнение процессов в различных частях (южной, центральной, северной) перуанского побережья позволят существенно продвинуться в понимании общей картины культуuroгенеза в обширном регионе доколумбовой Америки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Васильев С.А., Березкин Ю.Е., Козинцев А.Г., Пейрос И.И., Слободин С.Б., Табарев А.В. Заселение человеком Нового Света: опыт комплексного исследования. СПб. : Нестор-История, 2015. 680 с.

Долгушин И.Д., Табарев А.В. К 100-летию начала исследований М. Уле в Эквадоре // Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований. 2019. №2. С. 98–109.

Елошкин Г.А. Ритуальное использование обсидиана в доколумбовых обществах южного побережья Перу // Материалы LXIII Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2023а. С. 255–257.

Елошкин Г.А. Человек и пустыня: воздействие аридных условий Южноперуанского побережья на развитие доколумбовых культур // Древние и традиционные культуры во взаимодействии со средой обитания: проблемы исторической реконструкции: материалы II Международной междисциплинарной конференции. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2023б. С. 112–119.

Елошкин Г.А. Ранние исследования культур южного побережья Перу (XIX — начало XX вв.) // Тихоокеанская археология: тихоокеанские исследования в российской и зарубежной археологии: история, современность, перспективы развития: (Посвящается 300-летию Российской академии наук). Владивосток : Изд-во Дальневосточного федерального ун-та, 2024. С. 82–86.

Еремеева Е.А. Разнообразие погребальных практик в южной части побережья Перу (культуры чирибайя, тиуанако) // Материалы LXI Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Иркутск : Издательство ИГУ, 2021. С. 161–162.

Острирова Е.С. Теория морских оснований Андской цивилизации в современной историографии // «Стены и мосты» — III: история возникновения и развития идеи междисциплинарности. М. : Академический проект; Гаудеамус, 2015. С. 246–256.

Табарев А.В. Введение в археологию Южной Америки. Анды и тихоокеанское побережье: учебное пособие. Новосибирск : Сибирская научная книга, 2006. 244 с.

Табарев А.В., Гаврилина Т.А. Истоки погребальных традиций древних культур тихоокеанского побережья Южной Америки // Теория и практика археологических исследований. 2017. №1(17). С. 167–180.

Alday C., García M.A., Alarcón C., Beresford-Jones D.G. The Use and Context of Fiber Plants During the Middle Preceamic: Evidence from La Yerba II and III, South Coast of Peru // *Frontiers in Environmental Archaeology*. 2023. No. 2. Pp. 1–21.

Benfer R.A. Frederic-Andre Engel (1908–2002) // *Andean Past*. 2005. Vol. 7. Pp. 1–14.

Beresford-Jones D.G., Friesem D.E., Sturt F., Pullen A., Chauca G., Moat J., Gorriti M., Maita P.K., Joly D., Huaman O., Lane K.J., French C. Insights into Changing Coastlines, Environments and Marine Hunter-gatherer Lifestyles on the Pacific Coast of South America from the La Yerba II Shell Midden, Río Ica Estuary, Peru // *Quaternary Science Reviews*. 2022. No. 285. Pp. 1–25.

Beresford-Jones D.G., Iparraguirre G.C., Lane K.J., Whaley O.Q., Moat J., Pullen A.G., Arce T.S., García A.O., Cadwallader L., Rodríguez J., Joly D., French F.C. Revisitando la hipótesis de Frederic Engel: cómo las lomas determinan la distribución arqueológica del precerámico en la costa sur del Perú // *Relaciones de la Sociedad Argentina de Antropología*. 2021a. No. 46(2). Pp. 383–413.

Beresford-Jones D.G., Pomeroy E., Alday C., Benfer R., Quilter J., O'Connell T.C., Lightfoot E. Diet and Lifestyle in the First Villages of the Middle Pre-ceramic: Insights from Stable Isotope and Osteological Analyses of Human Remains from Paloma, Chilca I, La Yerba III, and Morro I // *Latin American Antiquity*. 2021b. No. 32(4). Pp. 741–759.

Beresford-Jones D.G., Pullen A.G., Chauca G. How Oases Born of Ocean Mists (Lomas) Shaped Mesolithic Human Ecology along the Arid Pacific Coast of Peru during the Middle Pre-ceramic Period (ca. 8,000-5,000 BP). In: *From Refugia to Oases: Living in Arid Environments from Prehistoric Times to the Present Day // XXXVIII rencontres internationales d'archéologie et d'histoire d'Antibes*. Antibes : APDCA, 2018a. Pp. 137–155.

Beresford-Jones D.G., Pullen A., Chauca G., Cadwallader L., García M., Salvatierra I., Whaley O., Vásquez V., Arce S., Lane K., French C. Refining the Maritime Foundations of Andean Civilization: How Plant Fiber Technology Drove Social Complexity During the Pre-ceramic Period // *Journal of Archaeological Method and Theory*. 2018b. No. 25. Pp. 393–425.

Conlee C.A. Nasca culture integration and complexity: A perspective from the site of La Tiza // *Journal of Anthropological Archaeology*. 2014. Vol. 35. Pp. 234–247.

Eitel B., Hecht S., Mächtle B., Schukraft G., Kadereit A., Wagner G.A., Kromer B., Unkel I., Reindel M. Geoarchaeological Evidence from Desert Loess in the Nazca–Palpa Region, Southern Peru: Palaeoenvironmental Changes and Their Impact on Pre-Columbian Cultures // *Archaeometry*. 2005. Vol. 47. No. 1. Pp. 137–158.

Engel F.-A. Un groupe humain datant de 5000 ans a Paracas, Pérou // *Journal de la Société des américanistes*. 1960. Vol. 49. Pp. 7–35.

Engel F.-A. Prehistoric Andean Ecology: Man, Settlement, and Environment in the Andes. Vol. 2: The Deep South. New York : Humanities Press, Hunter College, 1981. 155 p.

Gorbahn H. Pernil Alto: An Agricultural Village of the Middle Archaic Period in Southern Peru. Wiesbaden : Harrassowitz, 2020. 383 p.

Hrdlička A. Anthropological Work in Peru in 1913, with Notes on the Pathology of the Ancient Peruvians // *Smithsonian Miscellaneous Collections*. 1914. Vol. 61. No. 18. Pp. 1–69.

Iparraguirre G.C., Glascock M.D., Rodríguez Morales J.A., Arce Torres S., Beresford-Jones D.G. El vidrio volcánico del litoral de Ica durante el Pre-cerámico Medio (8000–5000 AP) // *Actas del V Congreso Nacional de Arqueología*. Vol. II. Lima : Ministerio de Cultura, 2020. Pp. 51–63.

Lanning E.P. A Pre-Agricultural Occupation on the Central Coast of Peru // *American Antiquity*. 1963. Vol. 28. No. 3. Pp. 360–371.

Mächtle B., Schitteck K., Reindel M., Eitel B. Cambios paleoclimáticos y su influencia sobre el desarrollo cultural en el sur del área Central Andina // *Revista de Arqueología Americana*. 2017. No. 35. Pp. 33–50.

Nakatsuka N., Lazaridis I., Barbieri C., Skoglund P., Rohland N., Mallick S., Posth C., Harkins-Kinkaid K., Ferry M., Harney É., Michel M., Stewardson K., Novak-Forst J., Capriles J.M., Durruty M.A., Álvarez K.A., Beresford-Jones D.G., Burger R., Cadwallader L., Fujita R., Isla

J., Lau G., Aguirre C.L., LeBlanc S., Maldonado S.C., Meddens F., Messineo P.G., Culleton B.J., Harper T.K., Quilter J. et al. A Paleogenomic Reconstruction of the Deep Population History of the Andes. *Cell*. 2020. No. 181(5). Pp. 1131–1145.

Orefici G., Lancho Rojas J. *The Nasca Area and Its Environment // The Ancient Nasca World: New Insights from Science and Archaeology*. Cham : Springer International Publishing, 2016. Pp. 21–45.

Parsons M.H. Pre-ceramic Subsistence on the Peruvian Coast // *American Antiquity*. 1970. Vol. 35. No. 3. Pp. 292–304.

Quilter J. Late Pre-ceramic Peru // *Journal of World Prehistory*. 1991. Vol. 5. No. 4. Pp. 387–438.

Schittek K., Forbriger M., Mächtle B., Schäbitz F., Wennrich V., Reindel M., Eitel B. Holocene Environmental Changes in the Highlands of the Southern Peruvian Andes (14° S) and Their Impact on Pre-Columbian Cultures // *Climate of the Past*. 2015. Vol. 11. No. 1. Pp. 27–44.

Uhle M. *The Emeryville Shellmound // University of California Publication in American Archaeology and Ethnology*. 1907. Vol. 7. No. 1. 106 p.

Unkel I., Reindel M., Gorbahn H., Isla J., Kromer B., Sossna V. A Comprehensive Numerical Chronology for the Pre-Columbian Cultures of the Palpa Valleys, South Coast of Peru // *Journal of Archaeological Science*. 2012. Vol. 39. P. 2294–2303.

REFERENCES

Vasiliev S.A., Berezkin Yu.E., Kozintsev A.G., Peiros I.I., Slobodin S.B., Tabarev A.V. *Peopling of the New World: A Multidisciplinary Study*. St. Petersburg : Nestor-Istoriya, 2015. 680 p. (*In Russ.*)

Dolgushin I.D., Tabarev A.V. On the 100th Anniversary of M. Uhle's Works in Ecuador. *Pervobytnaya arheologiya. Zhurnal mezhdisciplinarnyh issledovanij = Prehistoric Archaeology. Journal of Interdisciplinary Studies*. 2019;2:98–109. (*In Russ.*)

Eloshkin G.A. Ritual Use of Obsidian in the Pre-Columbian Societies of the Southern Coast of Peru. In: *Proceedings of the LXIII Russian (With International Participation) Archaeological and Ethnographic Conference of Students and Young Scientists*. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2023a. Pp. 255–257.

Eloshkin G.A. Man and the Desert: The Impact of the Arid Conditions of the South Peruvian Coast on the Development of Pre-Colombian Cultures. In: *Ancient and Traditional Cultures in Interaction with the Environment: Problems of Historical Reconstruction: Materials of the II International Interdisciplinary Conference*. Chelyabinsk : Izd-vo Chelyab. gos. un-ta, 2023b. Pp. 112–119. (*In Russ.*)

Eloshkin G.A. Early Studies of Archeological Cultures of the Southern coast of Peru (XIX — Early XX Century). In: *Pacific Archaeology: Pacific Studies in Russian and Foreign Archeology: History, Current Stage and Development Prospects (Dedicated to the 300th Anniversary of the Russian Academy of Sciences)*. Vladivostok : Izd-vo Dal'nevostochnogo federal'nogo un-ta, 2024. Pp. 82–86. (*In Russ.*)

Eremeeva E.A. Variety of Burial Practices in the Southern Part of the Peruvian Coast (Chiribaya and Tiwanaku Cultures). In: *Proceedings of the LXI Russian (With International*

al Participation) Archaeological and Ethnographic Conference of Students and Young Scientists. Irkutsk : Izdatel'stvo IGU, 2021. Pp. 161–162. (*In Russ.*)

Ostrirova E.S. Maritime Foundations of Andean Civilization Theory in Modern Historiography. In: “Walls and Bridges” — III: History of the Emergence and Development of the Idea of Interdisciplinarity. Moscow : Akademicheskij proekt; Gaudeamus, 2015. Pp. 246–256. (*In Russ.*)

Tabarev A.V. Introduction to Archaeology of South America. Andes and the Pacific Coast: Textbook. Novosibirsk : Sibirskaya nauchnaya kniga, 2006. 244 p. (*In Russ.*)

Tabarev A.V., Gavrilina T.A. Origins of the Burial Traditions in the Ancient Cultures on the Pacific Coast of South America. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2017;1(17):167–180. (*In Russ.*)

Alday C., García M.A., Alarcón C., Beresford-Jones D.G. The Use and Context of Fiber Plants During the Middle Preceramic: Evidence from La Yerba II and III, South Coast of Peru. *Frontiers in Environmental Archaeology*. 2023;2:1–21.

Benfer R.A. Frederic-Andre Engel (1908–2002). *Andean Past*. 2005;7:1–14.

Beresford-Jones D.G., Friesem D.E., Sturt F., Pullen A., Chauca G., Moat J., Gorriti M., Maita P.K., Joly D., Huaman O., Lane K.J., French C. Insights into Changing Coastlines, Environments and Marine Hunter-gatherer Lifestyles on the Pacific Coast of South America from the La Yerba II Shell Midden, Río Ica Estuary, Peru. *Quaternary Science Reviews*. 2022;285:1–25.

Beresford-Jones D.G., Iparraguirre G.C., Lane K.J., Whaley O.Q., Moat J., Pullen A.G., Arce T.S., García A.O., Cadwallader L., Rodriguez J., Joly D., French F.C. Revisitando la hipótesis de Frederic Engel: cómo las lomas determinan la distribución arqueológica del precerámico en la costa sur del Perú. *Relaciones de la Sociedad Argentina de Antropología*. 2021a;46(2):383–413.

Beresford-Jones D.G., Pomeroy E., Alday C., Benfer R., Quilter J., O'Connell T.C., Lightfoot E. Diet and Lifestyle in the First Villages of the Middle Preceramic: Insights from Stable Isotope and Osteological Analyses of Human Remains from Paloma, Chilca I, La Yerba III, and Morro I. *Latin American Antiquity*. 2021b;32(4):741–759.

Beresford-Jones D.G., Pullen A.G., Chauca G. How Oases Born of Ocean Mists (Lomas) Shaped Mesolithic Human Ecology along the Arid Pacific Coast of Peru during the Middle Preceramic Period (ca. 8,000–5,000 BP). In: From Refugia to Oases: Living in Arid Environments from Prehistoric Times to the Present Day: XXXVIII rencontres internationales d'archéologie et d'histoire d'Antibes. Antibes : APDCA, 2018a. Pp. 137–155.

Beresford-Jones D.G., Pullen A., Chauca G., Cadwallader L., García M., Salvaterra I., Whaley O., Vásquez V., Arce S., Lane K., French C. Refining the Maritime Foundations of Andean Civilization: How Plant Fiber Technology Drove Social Complexity During the Preceramic Period. *Journal of Archaeological Method and Theory*. 2018b;25:393–425.

Conlee C.A. Nasca Culture Integration and Complexity: A Perspective from the Site of La Tiza. *Journal of Anthropological Archaeology*. 2014;35:234–247.

Eitel B., Hecht S., Mächtle B., Schukraft G., Kadereit A., Wagner G.A., Kromer B., Unkel I., Reindel M. Geoarchaeological Evidence from Desert Loess in the Nazca–Palpa Re-

gion, Southern Peru: Palaeoenvironmental Changes and Their Impact on Pre-Columbian Cultures. *Archeometry*. 2005;47(1):137–158.

Engel F.-A. Un groupe humain datant de 5000 ans a Paracas, Pérou. *Journal de la Société des américanistes*. 1960;49:7–35.

Engel F.-A. Prehistoric Andean Ecology: Man, Settlement, and Environment in the Andes. Vol. 2: The Deep South. New York : Humanities Press, Hunter College, 1981. 155 p.

Gorbahn H. Pernil Alto: An Agricultural Village of the Middle Archaic Period in Southern Peru. Wiesbaden : Harrassowitz, 2020. 383 p.

Hrdlička A. Anthropological Work in Peru in 1913, with Notes on the Pathology of the Ancient Peruvians. *Smithsonian Miscellaneous Collections*. 1914;61(18):1–69.

Iparraquirre G.C., Glascock M.D., Rodríguez Morales J.A., Arce Torres S., Beresford-Jones D.G. El vidrio volcánico del litoral de Ica durante el Prececerámico Medio (8000–5000 AP). In: Actas del V Congreso Nacional de Arqueología. Vol. II . Lima : Ministerio de Cultura, 2020. Pp. 51–63.

Lanning E.P. A Pre-Agricultural Occupation on the Central Coast of Peru. *American Antiquity*. 1963;28(3):360–371.

Mächtle B., Schittek K., Reindel M., Eitel B. Cambios paleoclimáticos y su influencia sobre el desarrollo cultural en el sur del área Central Andina. *Revista de Arqueología Americana*. 2017;35:33–50.

Nakatsuka N., Lazaridis I., Barbieri C., Skoglund P., Rohland N., Mallick S., Posth C., Harkins-Kinkaid K., Ferry M., Harney É., Michel M., Stewardson K., Novak-Forst J., Capriles J.M., Durruty M.A., Álvarez K.A., Beresford-Jones D.G., Burger R., Cadwallader L., Fujita R., Isla J., Lau G., Aguirre C.L., LeBlanc S., Maldonado S.C., Meddens F., Messineo P.G., Culleton B.J., Harper T.K., Quilter J. et al. A Paleogenomic Reconstruction of the Deep Population History of the Andes. *Cell*. 2020;181(5):1131–1145.

Orefici G., Lancho Rojas J. The Nasca Area and Its Environment. In: The Ancient Nasca World: New Insights from Science and Archaeology. Cham : Springer International Publishing, 2016. Pp. 21–45.

Parsons M.H. Prececeramic Subsistence on the Peruvian Coast. *American Antiquity*. 1970;35(3):292–304.

Quilter J. Late Prececeramic Peru. *Journal of World Prehistory*. 1991;5(4):387–438.

Schittek K., Forbriger M., Mächtle B., Schäbitz F., Wennrich V., Reindel M., Eitel B. Holocene Environmental Changes in the Highlands of the Southern Peruvian Andes (14° S) and Their Impact on Pre-Columbian Cultures. *Climate of the Past*. 2015;11(1):27–44.

Uhle M. The Emeryville Shellmound. *University of California Publication in American Archaeology and Ethnology*. 1907;7(1):106.

Unkel I., Reindel M., Gorbahn H., Isla J., Kromer B., Sossna V. A Comprehensive Numerical Chronology for the Pre-Columbian Cultures of the Palpa Valleys, South Coast of Peru. *Journal of Archaeological Science*. 2012;39:2294–2303.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Елошкин Григорий Александрович, студент ГИ НГУ; лаборант Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия.

Grigory A. Eloshkin, student of the NSU; laboratory assistant of Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia.

*Статья поступила в редакцию 27.05.2024;
одобрена после рецензирования 14.06.2024;
принята к публикации 21.06.2024.
The article was submitted 27.05.2024;
approved after reviewing 14.06.2024;
accepted for publication 21.06.2024.*